

Двадцать лет российской трансформации. 1985-2005 гг.: ПЕРИПЕТИИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Автор: В. В. СОГРИН

Крушение в нашем отечестве идеологической монополии марксизма-ленинизма советского образца и развитие идеологического плюрализма ведут отсчет от 1985 г. Именно тогда, с началом политики "перестройки" возникло размежевание отечественных обществоведов, в том числе и историков: среди них появился ряд течений, количество которых за 20 лет существенно умножилось. Каковы итоги, тенденции, перипетии, позитивные результаты, издержки отечественного историографического плюрализма? Я, разумеется, предлагаю собственное видение этого явления, надеюсь, вместе с тем, что это поможет трезво и объективно оценить тенденции развития нашей исторической науки.

Первые шаги историографического плюрализма были достаточно робкими: во второй половине 1980-х гг. с *ортодоксально* формационным направлением советского образца стало соперничать *реформистское* формационное направление, возникшее и развивавшееся в фарватере горбачевской стратегии демократизации советского социализма. Представители этого направления, среди которых присутствовали как публицисты, так и профессиональные историки, были весьма энергичны и плодотворны, в течение нескольких лет написав сотни статей и книг, пересматривавших (преимущественно с умеренно ревизионистских позиций) исторический опыт СССР. По прошествии нескольких лет это направление утратило влияние и вместе с ортодоксально формационным направлением отодвинулось на периферию историографии, но в становлении идеологического плюрализма оно сыграло важную роль и заслуживает краткой характеристики.

Формационщики-"ревизионисты" сосредоточились на выявлении исторических корней деформации в СССР "образцовой модели" социализма. Главную ответственность за это возложили на И. Сталина и его последователей. Некоторым авторам командно-административная система казалась настолько ужасной, что они отказывались именовать построенное в СССР общество социалистическим. Среди аргументов, использовавшихся при этом, было положение, что тоталитаризм и его разновидность - сталинская модель несовместимы с природой социализма. Другие предлагали называть "деформированный" советский социализм "феодалным", "азиатским", наконец, командно-административным. Третьи рассматривали советскую историю до начала перестройки как период перехода к социализму, когда существовало "транзитное" общество, в котором присутствовали определенные элементы нового строя. Но все исходило из наличия некоей идеальной и оптимальной модели социализма, элементы которой сохранялись в идеологии советских коммунистов и которая в конечном итоге должна была быть воплощена в жизнь в результате демократических реформ.

Согрин Владимир Викторович - доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала "Общественные науки и современность".

Одним из выразителей социалистического идеала и признанным любимцем ревизионистской историографии оказался Н. Бухарин. Некоторые историки даже увидели в нем, а не в В. Ленине, подлинного выразителя демократического социализма. Но большинство все же закрепляло приоритет родоначальника этой модели социализма за Лениным, сомкнувшись в данном вопросе с М. Горбачевым и "прорабами перестройки". Лозунг "Назад к Ленину!" стал и политическим, и историографическим кредо перестройки. Вот как оценивал Н. Симония роль Ленина в формировании оптимальной модели построения социализма, под которой стали понимать прежде всего НЭП: "В той обстановке значение личности Ленина для успеха НЭПа, его непосредственного руководства созидательными процессами имели поистине решающее значение. Его окружало немало талантливых людей, но очень немногие из них до конца и во всей полноте уяснили себе историческое значение ленинской концепции НЭПа. Смерть Ленина нанесла непоправимый удар делу НЭПа и кардинально ослабила позиции того узкого круга партийных руководителей и интеллигенции... который был искренне предан идее его реализации... Что касается Бухарина, то, по моему глубокому убеждению, вне контекста ленинской альтернативы его шансы олицетворять какую-либо альтернативу Сталину были равны нулю" [Симония, 1991, с. 182, 411].

Фактически за Лениным было признано формулирование всех основных признаков "подлинного социализма". Подчеркивалась его роль творца политической демократии, включая политический плюрализм, многопартийность, свободу слова (в ленинском наследии также было обнаружено слово "гласность", которое было поднято на щит горбачевцами и приравнено к свободе слова). Историки О. Волобуев и С. Кулешов выражали типичную точку зрения, когда утверждали, что укоренение демократического социализма входило в ленинские намерения с Октября 1917 г.: "Кое-кто не хочет видеть подлинного демократизма новой власти - декреты о мире, земле, национализации промышленности, свободе совести... Да и началась Советская власть с того, что сейчас именуется социалистическим плюрализмом. Наличие нескольких партий, открытая критика Советской власти, множество взглядов на пути развития революции. Все было возможно: и сатирический еженедельник "Новый сатирикон", буквально разивший едкой сатирой политику новой власти, и карикатуры, далеко не безобидные, на большевиков ..." [Волобуев, Кулешов, 1989, с. 21].

Согласно концепции, разделявшейся многими "ревизионистами", построение демократического социализма было прервано гражданской войной, но возродилось с переходом к НЭПу, наделявшемуся ими поистине чудотворной силой. Историки Г. Бордюгов и В. Козлов писали о "блестящих социально-экономических результатах первых лет новой экономической политики" [Бордюгов, Козлов, 1988, с. 16]. Не скрывал своего восхищения НЭПом В. Селюнин - один из наиболее ярких критиков командно-административного социализма. В характерном для "перестроечной" историографии духе он легко перебрасывал мостик из прошлого в современность, доказывая, что горбачевские реформаторы должны воспринять товарно-рыночные, хозрасчетные и организационные принципы НЭПа [Селюнин, 1988].

Ленинская модель и НЭП, по заключению ревизионистской историографии, были разрушены Сталиным, который своим "переломом" 1929 г. утвердил командно-административную систему. Ленинизм и сталинизм рассматривались, таким образом, как альтернативные и антагонистические системы, никакой преемственной связи между ними не существовало. Перестройке, начатой Горбачевым, надлежало разрушить командно-административную и восстановить хозрасчетно-рыночную систему - таков был исторический урок, извлекаемый ревизионистской историографией.

Формационно-ревизионистское направление уступило свою ведущую позицию на рубеже 1980 - 1990-х гг., но произошло это не в результате научных споров, а по причине новых идейно-политических перипетий, которые в этот раз расчистили лидирующее место уже не для одного из социалистических, а для антисоциалистического направления. Крах горбачевских реформ, объявлявшихся образцом социалистической модернизации, породил в обществе мнение, быстро переросшее в убеждение, что ре-

формироваться на социалистической основе вообще невозможно. Взоры россиян - публицистов, журналистов, рядовых избирателей, как и, конечно, чутких к их гласу оппозиционных политиков, устремились к западной либеральной цивилизации. В течение трех лет - с 1989 по 1991 г. - в России утвердилась либерально-демократическая идеология радикального толка. Именно она на протяжении нескольких лет стала определять дальнейшее развитие историографического плюрализма.

Среди крупных обобщающих исторических работ первым полнокровным выражением либерального направления в отечественной историографии стала коллективная монография "Наше отечество. Опыт политической истории", опубликованная в 1991 г. под грифом Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). В предисловии к этой двухтомной работе провозглашалось намерение преодолеть ограниченность отечественной историографии и указывалось, в чем эта ограниченность заключалась: "Жесткие идеологические установки, требование давать исключительно классовые оценки событиям прошлого во многом деформировали подлинную картину исторического пути, пройденного страной... Нынешнее состояние исторического знания и образования в нашем обществе никого не может удовлетворить. Недаром на Западе получила распространение злая и горькая для нас шутка: "Россия - это единственная страна с непредсказуемым прошлым". Прежние концепции, изложенные в обобщающих трудах и учебных пособиях, разрушаются на наших глазах под мощным напором новой исторической информации" [Наше... 1991, т. 1, с. 4].

Идеологизированный подход, присущий советской историографии, историками из РГГУ, безусловно, преодолевался. Ими отвергались оба варианта формационного подхода - как советский ортодоксальный, так и перестроечный ревизионистский. Но при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что на место отвергнутых идеологием они возводили новую, в этот раз либерально западническую. Западный путь, предстающий как образец для России, согласно одному из определений, данных в коллективной монографии, - это "накатанная дорога к свободе, равенству и братству" [Наше... 1991, т. 1, с. 356]. Прогресс российской истории в монографии явно связывался с тем, как воплощались или какие шансы на воплощение имели в "нашем отечестве" фундаментальные либеральные ценности Запада - правовое государство, гражданское общество, разделение властей. В отличие от "традиционных" изданий по отечественной истории в этой монографии у авторов прослеживается очевидное стремление вызвать наибольшие симпатии читателей не к крестьянским бунтарям типа И. Болотникова, С. Разина и Е. Пугачева (их имена в монографии объемом более 1000 страниц даже не упомянуты), не к декабристам, революционным демократам и тем более большевикам, а к российским либералам. В отличие от марксистско-ленинских учебников "цветом русской интеллигенции" признавались не революционные демократы и социалисты, а партия кадетов.

Крах либеральной альтернативы царизму и торжество революционной идеи предстают в монографии как главная драма российской истории. В отличие от марксистско-ленинской интерпретации авторы монографии отказывались признавать октябрьские события 1917 г. исторической закономерностью. Главным творцом Октября, как явствует из монографии, был один человек - Ленин. Впрочем, не столько творцом, сколько злым гением, ибо октябрьские события, именовавшиеся в марксистско-ленинской историографии Великой Октябрьской социалистической революцией, в монографии определяются как "октябрьский переворот".

В трактовке Ленина и ленинизма заключено принципиальное отличие "Нашего отечества" как от формационно-ортодоксальной, так и от формационно-ревизионистской историографии. Ленин лишен в ней каких-либо благородных мотивов, он признается вершителем и октябрьского переворота, и командно-административного социализма. Ленинизм и демократия рассматриваются как безусловные антиподы. В острокритическом ключе характеризуется даже ленинская "новая экономическая политика": согласно интерпретации авторов "Нашего отечества", в ней гораздо больше минусов, чем плюсов. В целом ленинизм предстает как предтеча, а отнюдь не альтернатива сталинизму.

Либеральная интерпретация отечественной истории после распада СССР и утверждения у власти в России Б. Ельцина легла в основу учебной исторической литературы. Это не только поддерживалось, но по сути диктовалось установками Министерства образования Российской Федерации. Новая (по принципу "от обратного") политизация учебной исторической литературы вызвала критику даже со стороны западных специалистов. Например, Р. У. Дэвис в критическом ее анализе отмечал: "Использование термина "тоталитаризм" для характеристики сталинского режима - вопрос крайне противоречивый. Но Министерство образования Российской Федерации возвело концепцию в новую догму" [Европейский... 1999, с. 50]. Новая догма нередко приобретала карикатурный характер, который по своей одиозности мало отличался от историографической ортодоксии советского образца. Так, А. Головатенко в учебном пособии для абитуриентов гуманитарных факультетов, изданном в 1993 г., изложил историю советского периода в трех главах с характерными названиями: "Год 1917: через свободу к диктатуре", "Становление коммунистического тоталитаризма" и "Преодоление тоталитаризма" (цит. по [Козлов, 2003, с. 87]).

Либерально-западнический подход, однако, не смог удержать господствующего положения ни в научной, ни в учебной исторической литературе. Но и его отступление с ведущей позиции было обусловлено не научными издержками, а новой переменной политической ситуации в России. Сильнейший удар по российскому либерализму и его последователям в историографии нанесли радикальные реформы 1992 и последующих годов. До начала радикальных реформ российское демократическое движение твердо обещало россиянам, что западные либеральные образцы могут быть введены в России достаточно быстро и безболезненно. Однако на деле россияне вместо обещанной североамериканской или западноевропейской общественной модели получили некую смесь латиноамериканской модели и раннего социал-дарвинистского капитализма. Россия разделилась на сверхбогатое меньшинство и бедное и нищее большинство. Вместо правового государства утвердился беспредел чиновников. Многие россияне возложили ответственность за крах своих надежд и иллюзий не только на политиков-либералов, но и на западные ценности, которые, по их мнению, в России оказались нежизнеспособными и приносят не благо, а зло.

На волне народного недовольства оформилась влиятельная левая и национал-патриотическая оппозиция, власть стала лавировать, сама прибегать к социальной и патриотической риторике, в том числе и в трактовках прошлого. Министерство образования начало "сдавать" авторов исторических учебников, сверх меры отошедших от патриотических канонов. Одной из первых жертв оказался А. Кредер - автор учебников по новой и новейшей истории, в которых, в частности, по меркам патриотической ортодоксии, преувеличивался вклад западных союзников СССР в победу над Германией во Второй мировой войне. Все больше стало появляться учебников антилиберального толка. "Естественный ход" вещей создавал угрозу их преобладания в учебном процессе. А ведь, согласно классическому суждению, "кому принадлежит прошлое, тот владеет и будущим".

В 2001 г. премьер-министр российского правительства М. Касьянов, приверженец курса либеральных реформ, вынужден был признать: "Дальше отступать некуда", и поставил вопрос о школьных учебниках по истории России на заседание правительства. В информации об обсуждении этого острого вопроса говорилось: "По словам Касьянова, через 10 лет после становления нового российского государства в учебниках не упоминается о ценностях демократического общества, о необходимости реформ в экономике и социальной сфере, о том, что сам народ избрал путь рыночных преобразований. По мнению премьера, это недопустимо" (цит. по [Дедков, 2003, с. 50]). Но противоположная сторона не желает уступать позиций. В начале 2004 г. группа высокопоставленных военных ветеранов обратилась с письмом к Президенту России В. Путину, в котором осуждались сохранявшиеся "непатриотические" учебники. Президент прислушался к их голосу, и министерство образования "сдало" еще одного "нестандартного" автора - И. Долуцкого и его "Отечественную историю XX века" (Известия, 14 февраля 2004 г.).

Нешуточные страсти! Похоже, что в условиях "управляемого плюрализма", как определил режим Путина американский политолог Х. Балзер [Балзер, 2004], в сфере учебной литературы по истории будет утверждён единый стандарт. Остается удовлетворяться тем, что пока он не угрожает научной литературе. Историографический плюрализм в России сохраняется, и я возвращаюсь к его рассмотрению.

Цивилизационный подход к истории России

Кризис либерально-западнического историографического подхода освободил "святое место" теоретического лидера для нового историографического дискурса (употребление термина "парадигма" было бы все же преувеличением) - цивилизационного. Именно цивилизационный подход становится доминирующим в российском историографическом плюрализме и остается таковым по сегодняшний день. Отмечу, что в мировой исторической науке цивилизационный подход зародился давно и по возрасту он гораздо старше господствовавшего в советской историографии формационного подхода.

После 1985 г. цивилизационный подход возродился в СССР, причем с самого начала он приобрел ярко выраженный идеологический характер. Горбачев и его окружение выступили с идеей универсальных общечеловеческих идеалов, ценностей мировой цивилизации, к которым в результате реформ должна быть приобщена и Россия. По мере развития перестройки набор этих ценностей - гражданское общество, правовое государство, свободный рынок, политический плюрализм, многопартийность - обнаруживал во все большей степени прозападно-либеральный характер. В идеологии российского демократического движения общечивилизационные ценности вообще стали тождественны ценностям западной цивилизации. Но радикальные реформы Ельцина и его последователей, обнаружившие утопизм попытки переделать Россию на западный манер, резко усилили и скепсис относительно существования некоей мировой цивилизации и универсальных человеческих ценностей. Стала активно разрабатываться альтернативная идея плюрализма цивилизаций, среди которых свое место занимает и Россия.

Среди современных российских исследователей концепцию цивилизационного своеобразия России одним из первых развил А. Ахиезер. В монографии "Россия: критика исторического опыта", написанной до того, как кризис идей мировой цивилизации и универсальных ценностей стал явью и как бы предвосхищавшей его, он приходил к выводу о драматической, если не трагической самобытности России: "Центральный элемент самобытности - существование раскола, который пронизывает культуру, социальные отношения, производственные отношения, личность. Раскол сформировался в результате исторически сложившегося промежуточного положения России как страны, находящейся между двумя цивилизациями, то есть традиционной, где господствующее положение занимает статичное воспроизводство, стремление сохранить соответствующие ценности, тогда как либеральная цивилизация основана на интенсивном воспроизводстве. История России сложилась таким образом, что она уже перестала быть страной чисто традиционного типа и одновременно не стала страной либерального типа. Можно сказать, что здесь сложилась особая промежуточная цивилизация. Раскол не позволяет обществу как перейти к либеральной цивилизации, так и вернуться к традиционной. Отсюда постоянные мучительные пароксизмы общества, постоянные шараханья от попыток партиципации к ценностям, нашедшим высшее воплощение в либеральной цивилизации (наука, техника, развитый рынок и т.д.), к отрицательным структурам через уравнивательность, локализм, через антимедиацию" [Ахиезер, 1991, т. 1, с. 315, 316].

В рамках цивилизационного подхода в свою очередь достаточно быстро обозначились, а в последующем углубились серьезные разногласия. Г. Зверева считает возможным разделить его представителей на такие направления, как неолибералы, неоконсерваторы, неоевразийцы, традиционалисты-почвенники [Зверева, 2003, с. 101]. Не возражая, в принципе, против такого деления, полагаю вместе с тем, что данные определения могут употребляться и без приставки "нео". Думаю также, что названные течения вполне можно, хотя и условно, с оговорками, уложить в два направления - ли-

беральное и консервативное. Также, на мой взгляд, представителей этих двух направлений, если принять во внимание их оценки судеб и возможностей российской цивилизации, можно обозначить при помощи определений, являющихся классическими в мировой историографической терминологии - *пессимисты* и *оптимисты*. Пессимистами предстают либералы, а оптимистами - консерваторы.

Либералы-пессимисты (к ним в той или иной мере, можно отнести таких авторов, как А. Ахиезер, И. Ионов, В. Кантор, И. Кондаков, Ю. Пивоваров, А. Фурсов, И. Яковенко) при всех индивидуальных различиях исходят из критической (пессимистической) оценки нормативной сущности российской цивилизации. При определении этой сущности одни делают упор на социокультурный фактор (в первую очередь устойчивая традиционалистская ментальность), другие на политический (государство или власть, поглощающие общество и личность), третьи на природно-климатический, четвертые на совокупность факторов. Но все они едины в том, что нормативная сущность российской цивилизации - серьезнейшее (а, возможно, и вообще непреодолимое) препятствие для ее превращения в подлинно современное общество и для успешной конкуренции с обществами западного типа.

Консерваторы-оптимисты (к ним, с теми или иными оговорками, можно отнести таких авторов, как А. Дугин, Б. Ерасов, А. Панарин, В. Шаповалов, В. Цымбурский) дают позитивную, а то и апологетическую оценку нормативной сущности российской цивилизации, как и ее исторического опыта, исходят из превосходства духовной российской цивилизации над материальной западной и верят в то, что именно ей принадлежит будущее и именно ее ценности окажутся спасительными для человечества. Оценивая построения консерваторов-оптимистов, не могу не согласиться с суждением, высказанным Зверевой: "Выстраивание оппозиции *телесное/духовное* и подчеркивание авторами текстов неоконсервативной, неоевразийской и неопочвеннической ориентации духовного превосходства России над *материальным* (телесным) прагматизмом Запада содействуют формулированию антизападнических и антиреформаторских построений. Идея особости России, ее высокой духовности, мессианской роли в мире сопрягается с критикой идей модернизации России по "западному" образцу и необходимостью сохранения *самобытности* - культурной, религиозной, традиционной" [Зверева, 2003, с. 107].

Воздерживаясь от развернутого анализа разных течений, существующих в рамках цивилизационного подхода, отмечу, что их позиции во многом воспроизводят историософские дискурсы, как и конкретные концепции, разрабатывавшиеся в прошлом. Об этом стоит сказать, помимо всего прочего, по той причине, что некоторые современные авторы явно преувеличивают собственный вклад в постижение цивилизационной сущности или самобытности России, забывая упомянуть о том, что отстаиваемые ими идеи обосновывались предшественниками. Например, популярная в современной отечественной обществоведческой мысли концепция власти-собственности или просто русской власти как эпицентра и нормативной сущности российской цивилизации имеет давние историографические корни, а одно из фундаментальных воплощений получила в хорошо известной и к тому же переведенной на русский язык монографии американца Р. Пайпса "Россия при старом режиме" [Пайпс, 1993]. Современные отечественные историософские работы способствовали возрождению и дальнейшему развитию важного историографического направления, и в этом их положительное значение, но создание полноценного цивилизационного исследования российского исторического опыта остается задачей будущего дня. Отечественные представители цивилизационного подхода сосредоточились по преимуществу на постижении "ядра" российской цивилизации, их работы с содержательной точки зрения весьма узки; по крайней мере, на мой взгляд, никто из них не приблизился к такому полнокровному раскрытию изучаемого ими объекта, которое, например, присуще американцу М. Лернеру в его исследовании (пользующемся весьма широкой известностью и популярностью среди русских читателей) исторического опыта антипода России - американской цивилизации [Лернер, 1992].

Цивилизационный подход наиболее ярко и наглядно присутствует в работах, которые можно назвать историософскими. Историки, занимающиеся конкретными пробле-

мами истории, к этим работам обращаются редко, а в своем подавляющем большинстве их вообще игнорируют (в значительной степени это объясняется традиционной неприязнью историков-"конкретников" к историсофской "метафизике", как правило, не имеющей самостоятельного источникового основания). Тем не менее многие современные отечественные историки, так или иначе, часто не осознавая этого, стихийно, восприняли цивилизационный ракурс и ведут исследовательскую работу в его рамках. В конкретно-исторических исследованиях цивилизационный ракурс означает признание России самостоятельной исторической общностью, обладающей спецификой, которая часто и выражает ее суть. Очевидно, что такая позиция радикально отличается от формационного подхода, который делал упор на общие черты различных стадий (формаций) российской и мировой, в первую очередь европейской, истории. Историки-"формационщики", как известно, настаивали не только на общности, но также и на синхронности исторических процессов в России и Западной Европе. Сегодня подобный подход все более утрачивает свое влияние, а ведущей становится позиция, раскрывающая историческую "особость" России, ее принципиальные отличия от западноевропейского опыта. Но оценивается эта "особость" в конкретно-исторических исследованиях, равно как и в историсофских работах, по-разному: одними со знаком "плюс", а другими - со знаком "минус". Ниже я проиллюстрирую развитие исследовательского плюрализма в конкретно-исторических исследованиях на примере некоторых важных проблем отечественной истории.

Уже первая традиционно остродискуссионная тема российской истории - Киевская, или, как теперь ее называют чаще, Древняя Русь - подверглась серьезному пересмотру с антиформационных позиций. Взгляды академика Б. Рыбакова и его последователей, обосновывавших концепции восточнославянского происхождения древнерусской государственности и феодального характера древнерусского общества, утратили былую популярность. Зато возросло влияние их главного оппонента - И. Фроянова, настаивающего на реальной роли варяжского фактора в становлении древнерусской государственности и отсутствии в Древней Руси феодальных начал (наиболее полное издание [Фроянов, 2001]). Среди историков особым влиянием стала пользоваться концепция синтетического характера древнерусской государственности, в генезисе которой полноценно присутствуют восточнославянское, норманнское и византийское начала (одно из полных ее обоснований см. в [Скрынников, 1997, глава 1]). Неортодоксальные трактовки стали укореняться и в учебной литературе: вузовские учебники, в которых признается реальная и существенная роль норманнского фактора в становлении древнерусского государства, серьезно потеснили учебники, исповедующие традиционную антинорманнистскую точку зрения.

В еще большей степени кризис формационного подхода проявился в трактовках такого основополагающего события отечественной истории, как октябрь 1917 г. В советский период события 1917 г. рассматривались сквозь призму всемирно-исторической смены капиталистической общественно-экономической формации социалистической. Историки решали "сверхзадачу" обоснования закономерности возникновения этого процесса в России. Их усилия были прежде всего направлены на то, чтобы показать зрелость российского общества, в том числе капитализма, для социалистической революции. В связи с этим, как демонстрируют современные историки, было совершено немало насилий над историческими фактами: явно преувеличена зрелость и самого российского капитализма и особенно российского пролетариата, а тем самым искусственно сконструированы "объективные" и "субъективные" предпосылки социалистической революции Октября 1917 г. Но чем же тогда объяснить революционные потрясения 1917 г.?

На рубеже 1980 - 1990-х гг. в отечественной историографии возобладала точка зрения, объявлявшая события Октября 1917 г. роковой и трагической случайностью. Они приписывались последствиям ошибочного вступления России в Первую мировую войну, как и "проискам" большевиков, насильно и коварно навязавшим стране свою власть (отсюда и новое название событий Октября 1917 г., распространившееся и в учебной литературе: "октябрьский переворот"). Но в последующем такие трактовки многими историками были признаны легковесными. Правда, и сталинско-ленинские

оценки более не воспроизводились: на историографическую авансцену выступила модель, объяснявшая 1917 г. не всемирно-историческими закономерностями, а внутрироссийскими регулярностями.

Эта новая модель также не отличалась оригинальностью: ее первым наиболее известным и глубоким сторонником, по-видимому, можно признать Н. Бердяева. Знаменитый философ при всей его, мягко говоря, неприязни к большевикам и Ленину, полагал, что "революция октябрьская и есть настоящая народная революция в ее полном прояснении" (цит. по [Могильницкий, 2001, с. 97]). Бердяев отмечал "единственность" данной революции в мировой истории; она была порождена "своеобразием русского исторического процесса и единственностью русской интеллигенции", ее всепокрушающей силой было крестьянство, и "русская революция была возможна только как аграрная революция". Ленин и большевики "оседлали" эти факторы к своей выгоде [Бердяев, 1990, с. 109, 111].

Современные выразители цивилизационного взгляда на революцию 1917 г. продолжили поиск регулярностей российского исторического процесса, сделав особый упор на социокультурные факторы (см. об этом [Земцов, 1999]). Одним из известных среди них стал В. Булдаков: в событиях 1917 г., согласно его анализу, особую роль сыграли факторы системного кризиса империи и десакарализации государственной власти, аналогичной смуте XVII в. [Булдаков, 1997]. Совершенно не случайно, что в современном российском историческом сознании пустила корни мысль о трех русских смутах: начала XVII в., 1917 и 1991 гг.

Я не ставлю задачей рассмотрение научной "прочности" новых трактовок важнейших проблем российской истории, хотя и не могу не заметить, что "выключение" в этих трактовках российской истории из всемирно-исторического процесса и регулярностей мировой истории приобрело, на мой взгляд, гипертрофированный характер. Но эти трактовки представляются, как минимум, полезными: уж слишком долго российский исторический процесс подгонялся нашими историками под всемирно-исторический (на самом деле западноевропейский). Исследование особенностей российского исторического процесса может быть продолжено и дальше, другие универсалистские перекосы отечественной историографии также заслуживают преодоления. Отмечу некоторые из них.

Известно, что советские историки, утверждая синхронность российского и европейского исторического процесса, доказывали, что уже в XVII в. Россия, подобно европейским обществам, вступила в новый период истории, то есть в ней начиналось новое время, равнозначное необратимой смене феодализма капитализмом. Данная концепция и сегодня незыблемо присутствует в учебной литературе и сохраняет прочные позиции в литературе научной. Например, в академической многотомной "Истории Европы" А. Преображенский, автор большинства глав о российской истории второй половины XVII в., использует следующие формулировки: "В межобластном и всероссийском обмене верховодят "капиталисты-купцы", они подчиняют мелких товаропроизводителей, отрезают их от рынка... Столь грандиозный рынок мог начать складываться лишь на базе возникновения буржуазной организации обмена... Иными словами, в России начал складываться рынок рабочей силы, что указывало на возникновение буржуазных тенденций, пока еще слабых, но имеющих тенденцию развития... но процесс генезиса капиталистических отношений был уже необратим... Практически не поддается учету рассеянная мануфактура, а также простая капиталистическая кооперация" [История... 1994, с. 112 - 115]. Эти выводы относятся к России, где еще по-настоящему не оформились сословия феодального типа, где еще только осуществлялось всеобщее закрепощение крестьянства (а в западноевропейском обществе оно уже три века как было освобождено), где до наступления расцвета феодализма было еще полтора столетия. Они находятся в серьезном противоречии с подавляющим большинством реалий российского XVII в. и заслуживают глубокого критического переосмысления.

Также нуждаются в переосмыслении традиционные формулировки относительно экономического развития России в XVIII в. или, например, традиционные оценки успехов промышленного переворота во второй четверти XIX в. До сих пор в учебной литературе

высокие оценки начала промышленного переворота в николаевской России соседствуют с явно противоречащими им выводами о том, что поражение России от Англии и Франции в Крымской войне было обусловлено серьезнейшим и постоянно углублявшимся при Николае I экономическим отставанием России от европейских стран.

Справедливость требует признать, что критический пересмотр концепции "синхронного" перехода России и европейских стран от Средневековья к Новому времени уже начался. Например, академик Л. Милов в анализе реалий XVII-XVIII вв. формулирует выводы, радикально отличающиеся от традиционалистских и оптимистических выводов Преображенского. Милов обнаруживает в XVII в. "отсутствие в стране рынка рабочей силы". Он сомневается в точности названия "мануфактуры" применительно к промышленным предприятиям того века [История... 1999, с. 12]. Переходя к реалиям следующего века и характеризуя преобразования Петра I, в которых традиционно видели рывок к капитализму, ученый берет в кавычки применяемое к ним понятие "европеизация", а его выводы указывают на наличие в петровских реформах антиевропейских и антикапиталистических характеристик: "Казалось бы, цель была предельно проста: взять у Западной Европы передовую технику и технологию. Но на деле это обернулось резким ужесточением крепостного режима, появлением на свет такого феномена, как промышленный труд на крепостной основе... Главный вклад великого преобразователя - это создание в государстве промышленного производства, способствовавшего гигантскому скачку в развитии производительных сил страны. Однако форсированное строительство производительных сил путем заимствования "западных технологий" таким архаическим социумом, как Россия, дало вместе с тем и чудовищный социальный эффект: были вызваны к жизни еще более жесткие, более грубые формы эксплуатации, чем самые суровые формы феодальной зависимости" [История... 1999, с. 54, 106].

Капиталистические элементы, впрочем, зародились, но к европейскому образцу они не имели отношения: "Основным руслом развития капиталистических отношений была уже знакомая нам сфера крестьянских промыслов... Одной из ярчайших особенностей экономического развития России являлось появление промышленных центров не столько в городе, сколько в селе... Богатые капиталисты-крестьяне, подмявшие под себя десятки разоренных, стяжавшие капиталы через торговые махинации и грязное ростовщичество, в свою очередь, оставались крепостными своего барина, целиком зависели от его произвола" [История... 1999, с. 158, 159]. Крепостные рабочие и крепостные капиталисты - что в этих российских реалиях XVIII в. общего и синхронного с европейским историческим процессом?

Одним из наиболее дискуссионных, с точки зрения оценки качественных характеристик российского капитализма, является период последней трети XIX - начала XX в. Здесь наиболее остро присутствует разделение отечественных историков на "пессимистов" (отрицающих существенное сокращение в отставании российского капитализма от западных обществ) и "оптимистов", доказывающих, что Россия добилась фундаментальных экономических успехов, и воспроизводящих известное суждение П. Столыпина, что 20 лет мирного, без войн и революций развития России давали ей реальный шанс выровняться с передовыми государствами. Это принципиально важная научная дискуссия, но нельзя не обратить внимания на то, что как "пессимисты", так и "оптимисты" оперируют фактическими данными, накопленными исторической наукой, правда, уже не только отечественной, но и мировой, еще до 1990-х гг. И это делает их спор уязвимым с научной точки зрения: плодотворному научному продвижению важной дискуссии могут и должны способствовать новые, не обремененные идеологическими стереотипами прошлого, фундаментальные конкретно-исторические исследования российской экономики и социума той эпохи.

Глубокому постижению цивилизационного своеобразия России могут особенно способствовать новаторские научные исследования экономических, социальных и социокультурных проблем. Однако в исследовании проблем отечественной истории заметно преобладание работ, посвященных политической тематике. Причем здесь произошли серьезные и качественные подвижки. Например, прежняя поглощенность отечествен-

ной историографии крестьянским и рабочим, революционно-демократическим и социалистическим движениями, как уже было отмечено, сменилась стремительно возраставшим интересом к российскому либерализму и консерватизму, как, разумеется, и к истории российской монархии и монархов. Появилось много серьезных исследований о реформаторах и реформах, о либерализме и консерватизме (об их изучении в современной историографии см. [Сулимов, 2003; Макушин, 2003]), а библиография работ о русских монархах и монархии бьет все рекорды. Это симптоматичное изменение тематических интересов отечественной историографии повлекло серьезное изменение оценок самых разных и фундаментально различающихся явлений отечественной истории. Но в какой степени все эти серьезные, противоречивые, но во многом существенные и новаторские подвижки способствовали углубленному постижению российской истории как цивилизационной целостности?

По крайней мере, до создания удовлетворительного с научной точки зрения нового синтеза отечественной истории, на мой взгляд - дистанция большого, если не огромного размера. Достижение этой цели невозможно без создания целой серии новых, не обремененных теоретическими путями прошлого или легковесными идеологемами современности фундаментальных конкретно-исторических исследований экономики и социальных отношений основных периодов российской истории. Одним из серьезных препятствий, как представляется, являются также *состояние и качество* современного историографического плюрализма. Его формирование стало важнейшим научным приобретением. Конкуренция разных исследовательских школ и точек зрения способствует преодолению ошибочных взглядов и приближению к исторической истине. С этим, казалось бы, трудно спорить, но, как показывает пока недолгий опыт отечественного историографического плюрализма, подобный результат может быть достигнут только при наличии у него самого определенных качеств.

Плюрализм, диалог историков и проблема исторической истины

К одному из таких качеств следует отнести готовность каждой из исследовательских школ, групп и отдельных исследователей не только к спору, но и к диалогу с теми, кто стоит на иных позициях, готовность признать собственные ошибки и научные достижения оппонентов. В таком случае историографический плюрализм превращается в систему сообщающихся сосудов, научные соперники не только оспаривают и опровергают, но и взаимно обогащают друг друга. В результате уровень знаний повышается в каждом из сообщающихся сосудов, а древо исторических знаний покрывается все более густой кроной. Но многие, если не большинство групп и участников отечественного историографического плюрализма, по сути, ведут себя сектантски - любой ценой ниспровергают соперника, не отделяя в его аргументах и фактах зерен от плевел, выплескивая "с водой и ребенка" или попросту не замечая, игнорируя - именно это и происходит в большинстве случаев - аргументы и факты оппонентов. Культура научного монизма, сложившаяся в советский период, сохраняется и в условиях историографического плюрализма. Каждый из его участников претендует на монополию в постижении истины.

Проиллюстрирую эту мысль на примере одной из наиболее заметных работ современной отечественной историографии - монографии Б. Миронова "Социальная история периода империи" [Миронов, 1999], как и ее обсуждения в ведущем отечественном историческом журнале [Отечественная... 2000]. Монография Миронова, уже дважды переизданная, на мой взгляд, достаточно противоречива, она содержит как высокие научные достоинства, так и недостатки, причем достоинства сосредоточены в первом томе, посвященном собственно социальной истории России, а недостатки - во втором, главный объект которого - российская монархия, ее социальная, политическая и в целом общественно-историческая роль. При всем том, что концепция второго тома для меня неприемлема, я считаю, что научные достоинства первого тома настолько существенны, что монография Миронова заслуживает быть включенной в список фундаментальных достижений отечественной историографии в целом.

На мой взгляд, монография Миронова - один из первых трудов российских исследователей, который может быть поставлен в один ряд с лучшими образцами направления мировой исторической науки, известного как "новая социальная история". Вместе с тем второй том монографии Миронова, резко контрастируя с первым, предстает как откровенно идеологизированная апологетическая характеристика социальной и политической роли российских монархов - императоров (подробнее см. [Согрин, 2002]). Но если Миронов игнорировал критические труды о российских монархах, то большинство российских историков, среди них высоких профессионалов, участвовавших в обсуждении его монографии в журнале "Отечественная история", не удостоили вниманием уже научных достижений самого Миронова, подвергнув резкой критике как реальные, так и явно надуманные, мнимые ее недостатки. Подобная дискуссия характерна для современного историографического плюрализма, что, безусловно, резко снижает его научные возможности.

Другой серьезный недостаток отечественного историографического плюрализма заключается в научной неопределенности, размытости, эклектизме многих современных историографических направлений и школ. Хочу быть понятым правильно: я отнюдь не против приверженности многих современных историков принципу "дополнительности" в использовании разных теоретических приемов, как и приверженности "многофакторности" в изучении и объяснении исторических явлений. Все это плодотворные научные принципы. Но подобная приверженность не должна нарушать методологической и теоретической цельности исследования, не должна быть равнозначна механическому соединению взаимоисключающих подходов, оборачивающемуся теоретическим хаосом и беспринципностью, ставящими в тупик читателя.

В 1997 г. была издана монография "Российская государственность: истоки, традиции, перспективы", принадлежащая перу А. Ахиезера и В. Ильина. [Ильин, Ахиезер, 1997]. Она предстает именно как монография, а авторство отдельных глав в ней даже не обозначено. Но ее прочтение способно поставить в тупик не одного читателя - настолько отличны по стилистике, методологии, выводам разные ее части. Конечно, немногие специалисты, знающие обоих авторов, догадаются, в чем дело: авторы, объединившиеся в решении фундаментальной проблемы, стоят на *противоположных* теоретических позициях. Ильин - приверженец жесткой государственно-почвенной, имперской позиции, а Ахиезер - выразитель либерально-гуманистического подхода. Их объединение по сути противоестественно, а его научный результат оказался печальным.

Другой похожий пример. В различных учебных изданиях [История... 2001; История... 1999] авторство разделов по истории России конца XIX - начала XX в. принадлежит А. Боханову и П. Зырянову. Но авторы эти придерживаются резко различающихся теоретических и исследовательских позиций. Например, Боханов дает апологетическую оценку деятельности Столыпина, а анализ Зыряновым этой темы носит остро критический характер (подробно об этом см. [Дедков, 2003, с. 66]). Конечно, если бы читателям, пусть и неискушенным, предложили вариативное учебное пособие, в котором поместили, с соответствующими пояснениями, различающиеся историографические интерпретации, тогда соседство этих авторов было бы объяснимо. Но поскольку они соседствуют в учебниках монографического типа, предполагающего концептуальное единство, постольку такое соседство может вызвать в умах непосвященных читателей серьезное смятение.

Вышеизложенный материал, по необходимости весьма краткий, свидетельствует, что историографический плюрализм, расширяющий, в сравнении с историографическим монизмом, возможности научного познания, вместе с тем создает и ряд серьезных познавательных проблем, требующих всестороннего осмысления и, по возможности, разрешения на основе выработки историографического консенсуса относительно хотя бы некоторых "правил игры". Один из принципиальных вопросов, неизвестный в советский период: как достигается историческая истина в условиях историографического плюрализма?

Этот вопрос непросто и для зарубежной историографии, в которой принципы научного плюрализма укоренились давно. Трудная совместимость разных научных позиций,

все усложняющееся постижение научной истины - на мой взгляд, одна из причин, питающих разрушительную для исторической науки постмодернистскую волну. Но в ситуации отечественного историографического плюрализма проблема выглядит еще более сложной. Дело в том, что современная отечественная историография, как и другие общественные и гуманитарные науки, как и общество в целом, в условиях радикальных, а по сути революционных российских трансформаций, не могла не войти, если воспользоваться социологическим термином, в состояние аномии - разрегулированности, а во многих случаях краха традиционных норм и правил. Ситуация, когда историки, по большей части стихийно, воспринимают новые теории, нормы и правила, чревата многими издержками, в том числе появлением в большом количестве и популярных среди рядовых читателей авторов типа А. Фоменко или В. Суворова. Это требует от профессиональных историков всех направлений и школ, заботящихся о сохранении достоинства своей научной дисциплины, достижения и поддержания определенного консенсуса в отношении ее норм и правил.

Немаловажную роль среди этих норм и правил играет понятийный аппарат. Даже беглое знакомство с массивом современной исторической литературы обнаруживает, что в нашу историческую науку включены сотни и сотни новых, неизвестных или не использовавшихся в советский период понятий (для примера - тоталитаризм, дискурс, парадигма, стратификация, ментальность, нация-государство и государство-нация, плюрализм, консенсус, та же аномия). Откуда они все появились? Ответить нетрудно: из социологии, политологии, антропологии, других обществоведческих дисциплин, но уже не из марксистских, а из тех, которые раньше назывались в лучшем случае западными. Но теперь мы признаем, что это понятийный аппарат единого мирового обществознания. Отсюда следует, что все мы, или, по крайней мере, большинство профессиональных историков, одни стихийно, другие осознанно, приобщаемся к мировой науке. И это отраднo. Проблема же возникает в связи с тем, что это приобщение идет во многом стихийно, разные специалисты усваивают разные понятия, часто трактуют их по-разному, в связи с чем возникают трудности и издержки, которых могло и не быть.

Освоение историками нового понятийного аппарата есть не что иное, как важнейшая часть восприятия междисциплинарной методологии. О необходимости ее усвоения говорится давно, но в реальности дело сдвигается с мертвой точки медленно. Решение этой проблемы до недавнего времени осложнялось неразвитостью, принижением состоянием отечественных школ социологии, политологии, других социальных дисциплин. Но на современном этапе они раскрепостились, наращивают свой теоретический и методологический потенциал, подравниваются под мировой уровень, что создает возможность для более успешного укоренения междисциплинарной методологии и в исторической науке. Особую роль в ее освоении может сыграть высшее историческое образование, однако пока, насколько мне известно, соответствующие учебные дисциплины на исторических факультетах отсутствуют. В более широком плане, там не преподаются дисциплины, способствующие эпистемологическому образованию историков. Эти изъяны объясняют, почему современные историки формируются теоретически и методологически в значительной мере на основе самообразования, которое не всегда приносит оптимальные результаты.

В подтверждение приведу весьма показательный и яркий пример. Одной из наиболее влиятельных политологических доктрин, воспринятых на современном этапе многими историками, стала доктрина тоталитаризма. Она применяется в изучении и трактовке самых разных исторических тем и периодов: не только начинающие авторы, но и маститые исследователи, признанные в своих темах авторитеты, используют эту доктрину и соответствующую терминологию при характеристике политической власти в эпоху Петра I, Ивана Грозного и даже Древнего Рима. Между тем тоталитаризм, как он определяется в политической науке, - явление характерное исключительно для XX в., порождение феномена массовой политики и к более ранним эпохам оно неприменимо. Применение доктрины тоталитаризма к более ранним эпохам есть нарушение святыня исторической науки - принципа историзма.

Уменьшение изъянов, характерных для современной историографии, неспособно устранить различия между научными направлениями и школами, но способно сократить

издержки их соперничества. В этом соперничестве, как представляется, сохранится компонент, к науке, строго говоря, отношения не имеющий - мировоззренческие и политические различия. Выделю одно из этих различий, порождающее, на мой взгляд, настоящий раскол среди историков. В изучении отечественной истории часть их придерживается подхода, который можно определить как государственный. Для таких историков высшей ценностью являются могучее государство и держава, причем для них эта ценность приобретает такое значение, что, какие бы источники они ни изучали, какие бы оригинальные документы и свидетельства, подтачивающие или опровергающие их доводы, ни обнаруживали, они все равно выставят высокие или, как минимум, положительные оценки Ивану Грозному, Петру I и Сталину. Их оппоненты придерживаются мировоззренческого подхода, который я определяю как гуманистический. Для них высшая ценность - человек и человеческая жизнь, поэтому, несмотря на любые аргументы и факты, обосновывающие целесообразность или историческую безальтернативность деяний Ивана Грозного, Петра I и Сталина, они все равно не примут одобренную этими властителями цену великодержавности и выставят им отрицательные оценки. Только очень немногие специалисты способны в освещении подобного рода тем пройти между Сциллой и Харибдой двух антагонистических подходов и найти интерпретацию, ближе других приближающуюся к объективной исторической оценке. Но именно таким, наиболее квалифицированным историкам, бывает подчас труднее всего добиться широкого научного признания.

Однако историки высокой квалификации, на мой взгляд, в первую очередь и должны демонстрировать цеховую солидарность в рамках историографического плюрализма, поддерживать друг друга и обращать внимание на профессиональные ошибки, характерные для массы дилетантов, вторгшихся в историческую науку, а также для откровенно идеологизированных историографических направлений. Ведь смогли же профессиональные историки дать, по сути, единодушный отпор измышлениям Фоменко и его последователей (правда, их фолианты до сих пор в избытке присутствуют в книжных магазинах). Незамеченными остаются, однако, многие и многие дилетантские работы, авторы которых между тем претендуют, часто воинственно, на оригинальную и истинно научную позицию. Приведу в качестве примера уже упоминавшегося Ильина, автора многих монографий, изданных издательством Московского государственного университета в серии "Мир России и Россия в мире" (он же совместно с скончавшимся недавно А. Панарным был и руководителем серии).

Приведу только малую часть его ошибочных хронологических утверждений: "В 1137 г. отложился Новгород"; "с 1242 г. отсчитывается 240-летнее монголо-татарское иго на Руси"; Александр Невский разгромил "в 1247 г. немцев"; "в результате Ливонской войны 1558 - 1561 гг."; "итог Иранской войны 1722 - 1724 гг."; "участие в трех разделах Польши 1773, 1775 - 1793, 1794 гг." [Ильин, Ахиезер, 1997, с. 142, 144, 147, 156, 164, 173]. А вот как Ильин ведет полемику с оппонентами и как поощряет героев (в его понимании) российской истории: "Не порядок, а интрига, шкурная возня через Андропова, Черненко подвела в междуцарствии к нелепому Горбачеву", "искажает дело Нестор, приписывая Игорю мнимое родство с Рюриком", "Неправ Соловьев, утверждая, что "Куликовская победа... была знаком торжества Европы над Азией", "неглубок Ключевский, выставя Даниловичей (Московских князей) такими недаровитыми посредственностями - накопителями", меры Ивана Грозного были "направлены на упрочение сословно-представительной монархии не дико азиатского, а вполне гражданского вида", "Петр - не западник, а почвенник, истовый "чингисид", действующий сообразно и согласно кратократической природе русского государства", "план Столыпина - создание плюральной экономики со свободной общиной, фермерством, госформами полностью удался" [Ильин, Ахиезер, 1997, с. 135, 139, 146, 156, 157, 168, 189].

Примеры подобных проявлений вопиющей некомпетентности историков-государственников можно множить до бесконечности. Приведу еще только один пример - в данном случае беззастенчивой фальсификации и одновременно апологии внешней политики Российской империи. Доктор исторических наук С. Волков в сборнике концептуальных статей, подготовленных комитетом "Преемственность и возрождение России" (комитет создан группой научных и общественных деятелей в Москве в 2000 г.), утверж-

дает: "В целом можно сказать, что в Московский период, несмотря на отдельные успехи, внешняя политика была безуспешной, в Петербургский же - наоборот - несмотря на отдельные неудачи в целом исключительно успешной. Европейская территория страны и ее население практически удвоились по сравнению с допетровским временем, и только это обстоятельство позволило России играть в мире ту роль, которую она в дальнейшем играла" [Преемственность... 2001, с. 123]. До какой же степени нужно быть зараженным державно имперскими идеологемами, чтобы не заметить катастроф Российской империи, как и того, что Россия согнулась и рухнула под непосильной тяжестью империи! Вынужден напомнить три главных катастрофы, происшедших в последние 70 лет существования Российской империи: 1855 г. - сокрушительное поражение от Англии и Франции; 1905 г. - полное фиаско в войне с Японией, имевшее следствием внутривластительский революционный взрыв; 1914 г. - вступление в войну с Германией, три года тяжелых поражений и крах империи.

Чем объяснить обилие подобных искажений истории? Обо всех причинах можно писать долго, и я назову только одну, имеющую отношение к теме статьи: это *цена историографического плюрализма*, который я отнес к достижениям современных перемен. Парадокс? Да, но только по видимости. Научная свобода дала шанс самовыражения всем, его главным регулятором стали научная совесть и научная квалификация, и даже те, кто с ними явно не в ладах, получили реальный шанс воздействия на общественное, в том числе и историческое сознание общества. Но научная свобода и историографический плюрализм дают шанс на самовыражение и их оппонентам, профессионалам высокой пробы. И можно уже приводить примеры того, как подлинные мастера исторического цеха, воспользовавшись дарами научной свободы, смогли сделать и сказать в науке то, что было невозможно в советский период в условиях историографического монизма.

Ограничусь одним, но ярким и убедительным примером. Совсем недавно мне довелось рецензировать монографию томского ученого Б. Могильницкого "История исторической мысли XX века" [Могильницкий, 2001; 2003]. Могильницкий - маститый ученый, он и в советский период принадлежал к ведущим специалистам в области методологии истории и историографии, и его труды того периода не утратили значения. Но знакомство с новым, безусловно лучшим трудом ученого позволяет сделать вывод: только современная российская реальность позволила ему создать этот поистине блистательный труд - соединение эрудиции, творческого, не скованного никакими догмами осмысления наследия мэтров исторической мысли XX в., высочайшей научной квалификации. Мэтры зарубежной историографии - М. Вебер, О. Шпенглер, А. Тойнби, Ф. Бродель, К. Поппер, как и многие другие, которым в советский период доставались несправедливо критические, часто уничижительные оценки, рассмотрены всесторонне и взвешенно, в исследовании выявлены их достижения и противоречия, их место в поступательном развитии исторической науки и в имевших место кризисных спадах. Возможно, с оценками и интерпретациями Могильницкого согласятся не все, но даже несогласные извлекут из его труда пользу: благодаря высочайшей квалификации автор дает точное, объективное, поразительно ясное изложение как сути, так важнейших концепций и методологических позиций рассматриваемых персонажей.

Заключительный мой вывод краток: задача специалистов, болеющих за свое ремесло, заключается в том, чтобы замечать подобные работы, не стесняться полно раскрывать их научные достоинства, показывать и специалистам по цеху, и общественности, почему к исторической науке имеют отношение именно эти труды, а не всевозможные поделки дилетантов (даже остепененных), незаслуженно приобретающих известность и заражающих непосвященные умы примитивными и часто опасными идеологемами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. В. 3 т. М., 1991.

Балзер Х. Управляемый плюрализм: формирующийся режим В. Путина // *Общественные науки и современность.* 2004. N 2.

Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

- Бордюгов Г., Козлов В.* Поворот 1929 г. и альтернатива Бухарина // Вопросы истории КПСС. 1988. N 8.
- Булдаков В. П.* Красная смута. М., 1997.
- Волобуев О., Кулешов С.* Очищение. История и перестройка. М., 1989.
- Дедков Н.* Проблема учебника истории // Исторические исследования в России - II. М., 2003.
- Дугин А. Г.* Основы геополитики. Мыслить пространством. М., 2000.
- Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999.
- Ерасов Б. С.* Выбор России в евразийском пространстве // Цивилизации и культуры. Вып. 4. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1994.
- Зверева Г. И.* Цивилизационная специфика России: дискурсивный анализ новой "историософии" // Общественные науки и современность. 2003. N 4.
- Земцов Б. Н.* Историография революции 1917 г. // Международный исторический журнал. 1999. N 2.
- Ильин В. В., Ахиезер А. С.* Российская государственность: истоки традиции, перспективы. М., 1997.
- Ионов И. М.* Российская цивилизация IX - начало XX в. М., 1998.
- История Европы. Т. 4. М., 1994.
- История России. С начала XVIII до конца XIX века. М., 1999.
- История России. XX век. М., 2001.
- Кантор В. К.* "Есть европейская держава". Россия: трудный путь к цивилизации. Исторические очерки. М., 1997.
- Козлов В. А.* Российский посткоммунистический синдром: "разрушенное прошлое" и кризис советской идентичности // Общественные науки и современность. 2003. N 4.
- Кондаков И.* Введение в историю русской культуры. М., 1997.
- Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мысли в Соединенных Штатах сегодня. В 2 т. М., 1992.
- Макушин А.* Узловые проблемы истории российского либерализма // Исторические исследования в России - II. М., 2003.
- Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX века). В 2 т. СПб., 1999.
- Могильницкий Б. Г.* История исторической мысли XX века. Вып. 1. Томск, 2001; Вып. 2. Томск, 2003.
- Наше отечество. Опыт политической истории. В 2 т. М., 1991.
- Отечественная история. 2000. N 6.
- Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.
- Панарин А. С.* Россия на крутых поворотах истории. М., 1999.
- Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.
- Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И.* "Русская система" как попытка понимания русской истории // Полис. 2001. N 4.
- Преимущество и возрождение России. М., 2001.
- Селюнин В.* Истоки // Новый мир. 1988. N 5.
- Симонья Н. А.* Что мы построили? М., 1991.
- Скрынников Р. Г.* История Российская. IX-XVII вв. М., 1997.
- Согрин В. В.* Клиотерапия и историческая реальность: тест на совместимость (Размышление над монографией Б. Н. Миронова "Социальная история России периода империи") // Общественные науки и современность. 2002. N 1.
- Сулимое К.* Тема консерватизма в научно-исторических представлениях // Исторические исследования в России - II. М., 2003.
- Фроянов И. Я.* Начала русской истории. М., 2001.
- Цымбурский В. Л.* Россия - земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М., 2000.
- Шаповалов О. И.* Россиеведение. Учебное пособие для вузов. М., 2001.
- Яковенко И. Г.* Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999.
- © В. Согрин, 2005